

Михаил Качан
Украденное детство

Потомку о моей жизни

Михаил Самуилович Качан

Украденное детство.

Потомку о моей жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18977138

ISBN 9785447488949

Аннотация

В книге рассказывается о тревожном предвоенном, а потом и голодном, и холодном военном детстве маленького мальчика, эвакуированного из Ленинграда в июле 1941 года. Он, как и другие дети той поры, терпел и голод, и холод, но верил в победу над врагом. Ярко описанные реально случившиеся события создают картину жизни и быта того тяжёлого времени, когда матери героически боролись за жизнь своих детей, у которых война украла детство.

Содержание

Введение	9
Самое первое событие в моей жизни	10
Младенец родился в СССР, в Ленинграде	14
Часть 1. Довоенное детство	23
Глава 1. Дом и родные	24
Первое воспоминание – мама	25
Мой родной жестокий мир	26
Мой первый дом	28
Мои мама и папа	33
Папина мама	36
Папин старший брат Бенциан замёрз на этапе	38
Мой двоюродный брат был во время войны артиллеристом	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Украденное детство

Потомку о моей жизни

Михаил Качан

Первая книга из серии «Потомку о моей жизни»

© Михаил Качан, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Сначала благодарности и посвящения

На издание книг серии «Потомку о моей жизни» меня сподвигли Клара и Владимир Штерн, которые выполнили первую вёрстку книг серии и отпечатали в типографии по несколько экземпляров, что было для меня приятной неожиданностью.

Отдельная благодарность моим читателям в «LiveJournal.com» и на сайте "proza.ru». Если бы я не знал, что на этих сайтах у меня более 60 000 читателей, вряд ли бы я стал издавать свои воспоминания.

Особая благодарность моей жене и другу, Любови Николаевне Качан. У нас с ней памяти разного сорта: у меня рациональная, у неё эмоциональная. Поэтому она помнит не са-

ми события, а свою реакцию на них. Но это помогало мне восстановить и многие события.

Посвящаю все книги серии «Потомку о моей жизни» моей любимой жене и большому другу Любови Николаевне Качан (в книгах – Любочка), с которой мы вместе живём уже почти 60 лет в атмосфере любви и взаимоуважения. Она постоянно подпитывает меня эмоциональной, интеллектуальной и духовной пищей.

Фотография из моего военного детства

Книгу «Украденное детство» я посвящаю моей сестре Аллочке (Алле Самуиловне Качан). Когда началась война и мы бежали из Ленинграда, ей было всего 4 месяца, а когда мы вернулись в Ленинград – 4.5 года. С лета 1943 года и до конца войны она всегда была рядом со мной – была моим «хвостиком». Она посвятила свою жизнь музыке, детям и внукам. Аллочка – часть меня. Она всегда была, есть и будет в моём сердце. Этот снимок Аллочки сделан уже после её переезда

в Америку

Введение

Военные годы. Мы бежали из Ленинграда в начале июля 1941 года. Это называлось эвакуацией. Этот снимок сделан в 1942 году и отослан на фронт к отцу. Мама (справа), моя сестрёнка Аллочка у неё на руках, а рядом я. Какие грустные глаза к моей мамы!

Самое первое событие в моей жизни

Это я, маленький, скорее всего, трёхлетний. Меня зовут Миша Качан. Я довольно плотный карапуз. Сажу на столе и взираю на дядю, который меня фотографирует. Этого мо-

мента я еще не помню, а фотографию помню с раннего детства.

Я начинаю писать о моём счастливом детстве до войны, которая для нас началась в июне 1941 г., когда мне было 6 с половиной лет.

2 ноября 1934 года в Ленинграде родился мальчик.

Родился мальчик. Подумаешь, какое событие! Сколько их рождается ежедневно, ежечасно и даже ежеминутно.

Но для меня это было особенное событие, – ведь это родился я. И вместе со мной родился мой мир, который остается со мной без малого восемьдесят лет.

Если бы этого события не случилось, этих воспоминаний бы не было.

Так что, проникнитесь, пожалуйста, всей важностью этого события: Я РОДИЛСЯ! Ура!

От меня не зависело, кем мне предстояло родиться. Но оказалось, что я родился евреем. Папа был евреем, и мама была еврейкой. И обе бабушки, и оба дедушки. Все были евреями. И во всех поколениях мои предки были евреями. Я, конечно, не берусь это утверждать, но так мне потом сказали.

За 2000 лет проходит друг за другом 100 поколений (если считать, что одно поколение сменяется другим каждые 20 лет). Каких-то 100 поколений назад мои предки, возможно, жили в Иудее, которая пала под натиском Римской им-

перии. Римляне выселили евреев из Палестины и рассеяли их по всему миру. И моих предков тоже.

150 поколений тому назад мои предки жили в Израильском царстве царя Соломона и молились в построенном им Иерусалимском храме, а 200 поколений тому назад жил общий предок еврейского народа Авраам. Вот и добрался я до своего прародителя.

История знает о многих народах, которые растворились во времени и бесследно исчезли. Еврейский народ сохранился, и я горжусь своей принадлежностью к нему. Надеюсь, что и ты, мой потомок, будешь гордиться своим народом и его историей.

Я не считаю это национализмом. Я уверен в том, что каждый человек должен гордиться своими предками, своим народом. Но при этом с уважением относиться ко всем другим народам, большим и малым.

У каждого народа своя история, и, какая бы она ни была, героическая или трагическая, уходящая в древность или короткая, она такая, какая сложилась. Если история народа записана, – замечательно, если нет, – это его не умаляет. Просто народ оказался в трудных для выживания условиях жизни. Все равно хвала ему и честь, что выжил, проявил волю к жизни, сохранился.

История еврейского народа начала записываться очень давно. Евреев не зря называли ещё в древности народом книги. История древнего мира поэтому – одновременно и исто-

рия еврейского народа, записанная в самой древней книге – Библии, в её Ветхом завете.

История человечества, которую мы учим в школе – это история войн, история уничтожения одних народов другими народами. Евреи в этой череде кошмаров – не исключение. Но так сложилось, что по большей части евреям не везло. Именно их уничтожали и продолжают уничтожать уже почти три тысячи лет. И каких только грехов евреям ни приписывали, чтобы объяснить, почему именно их необходимо извести под корень.

К сожалению, даже сейчас, в наше «цивилизованное» время эта печальная традиция не изменилась. В XX веке евреев уничтожали нацисты Германии, и им удалось истребить половину еврейского народа. На смену им пришли радикальные мусульмане, и теперь в XXI веке именно они говорят о необходимости поголовного уничтожения евреев. К сожалению, не только говорят... Но сегодня евреи, в отличие от последних 2000 лет, могут защитить себя.

Я задумал написать воспоминания о своей жизни. Но прежде, чем я начну рассказывать об этом, т.е. о жизни одного советского еврея, советую тебе, мой читатель, прочесть историю еврейского народа¹:

Тогда тебе станут более понятными некоторые события, которые происходили со мной в СССР, где в XX веке процветал и бытовой, и государственный антисемитизм.

¹ <http://www.proza.ru/2012/03/01/1125>

Младенец родился в СССР, в Ленинграде

Я родился в Ленинграде 2 ноября 1934 года. Мои родители были евреями. Моя национальность и была той фишкой, которая сразу предопределила многое из того, что мне пришлось пережить. Заметьте, я не написал «в еврейской семье», назвать нашу семью еврейской можно было с большим трудом, – мы с родителями не ходили в синагогу и не молились, мы не отмечали еврейские праздники, меня не учили говорить на идиш и, тем более, не учили древнееврейскому языку, мы не соблюдали субботу. И, тем не менее, это была еврейская семья, только наполовину ассимилированная.

Бабушка и дедушка между собой говорили только на идиш, а мама с папой говорили на идиш тогда, когда не хотели, чтобы я их понимал. На песах (еврейская пасха) бабушка обязательно ездила в синагогу за мацой. А как-то в отсутствие моих родителей пришел раввин (кто его тайком позвал?), посмотрел на меня, возложил мне на голову руки, произнес какую-то молитву, что-то сказал бабушке на идиш и ушел, неодобрительно качая головой.

Мне никогда не говорили, что я еврей, пока меня не стали дразнить мальчишки.

– Сам ты еврей, – я за словом в карман не лез. Когда я спросил, почему меня так обзывают, мама, путаясь, попыта-

лась мне объяснить, что мы на самом деле евреи, что каждый человек рождается со своей национальностью, что это не стыдно. Стыдно дразнить. А дедушка сказал, что евреи – богом избранный народ, и надо гордиться тем, что ты родился евреем. Я не понял, почему он говорит о боге, хотя «бога нет», и почему несуществующий бог избрал евреев и для чего он их избрал, но мысль эта показалась мне приятной, словно я приобщился к чему-то важному.

Я рано осознал, что я еврей, и меня могут дразнить именно тем, что я еврей. Да еще совсем обидным словом жид: «Жид, еврей, самовар согрей». Тем более что жидами мальчишки почему-то называли воробьев. Но не думайте, что я был трусливым и затюканным мальчиком, не умеющим бороться за себя, свое место среди детей, а потом в мире взрослых, в конечном итоге – за место в жизни. Когда меня оскорбляли, я отвечал обидчику, а мог и подраться, хотя никогда не был физически сильным, и чаще бывал бит.

Кажется удивительным, но я себя не чувствовал евреем, пока мне не давали это понять. Я был обычным мальчишкой, таким же, как большинство вокруг меня. И я не ощущал себя евреем, я был русским. Я прекрасно владел своим родным русским языком, грамотно говорил и писал. Мечтал стать ученым-физиком. Мечтал принести пользу своей стране. Был ее патриотом.

Но по «правилам игры» у меня было свое место в этой жизни, и это место я должен был твердо знать и не пытаться

ся занять то, что мне изначально не принадлежало по рождению. По этим правилам, как оказалось, в советском обществе я не являлся полноценным человеком. Пятый пункт в моем паспорте, где было вписано – «Национальность: еврей», указывал мне: «Всяк сверчок знай свой шесток». О, этот пресловутый пятый пункт. Да еще и отчество – Самуилович, которое прямо указывало на то, что мой отец был евреем. Но если в раннем детстве я немного стеснялся, что я еврей, то вскоре понял, что это глупо.

Да-да, чуть позже я понял, что каждый человек должен гордиться своим происхождением, своими предками, гордиться принадлежностью к своему народу, к своей древней культуре. Я рожден евреем и воспитан русской культурой. Я считаю себя и евреем, и русским одновременно. Я причастен к 4000-летней истории еврейского народа, его культуре, и у меня болит сердце за судьбу моей древней родины – Израиля.

Но я живо интересуюсь и 1000-летней историей России, прошлым русского народа, и у меня болит душа за судьбу России, ее престиж в мире.

Как-то один из работников горкома партии попытался называть меня Михаилом Семеновичем. Я его тут же поправил – не Семенович, а Самуилович.

– Мне так проще, – попытался он выкрутиться.

– Моего отца звали Самуилом, твердо ответил я.

Больше попыток с его стороны не было.

Выдавала и моя еврейская внешность. У меня был не слишком длинный и совсем не горбатый еврейский нос, но все-таки во мне сразу распознавали еврея, особенно те, кто старательно искал еврейские черты в каждом человеке: свой или чужой.

– Папа, я же не похож на еврея? – спрашивал я отца, глядя на себя в зеркало.

– Конечно, сынок, – отвечал мне отец, – ты не похож, но все евреи похожи на тебя.

И ещё одну важную вещь не раз говорил мне в детстве отец:

– Бьют не по паспорту, а по физиономии. Это не он придумал, это была расхожая среди евреев поговорка. Отец знал, что говорил. Сегодня таких, кто бьет по физиономии, причем не только еврейской, но и по физиономии лиц кавказской национальности и просто любой непохожей на русскую, стало в России еще больше, чем раньше. Они, как и раньше кричат: «Бей жидов, – спасай Россию!», кричат об этом повсюду, и им сегодня никто не мешает это кричать. Они винят евреев во всех бедах человечества, и отрицают трагедию еврейского народа в годы войны, когда нас убивали только за то, что мы евреи. 6,000,000 (шесть миллионов) евреев было убито тогда!

Но сегодня и русские стали гонимой нацией. Это удивительно, но так. В прибалтийских республиках многим из них отказывают в гражданстве, а, следовательно, и в участии

в выборах, считая их оккупантами.

Мой отец воевал, был ранен, контужен и закончил войну в Вене. Он воевал за Россию и против фашизма. Некоторые мои родственники погибли в кровавой мясорубке 2-й мировой войны, в частности, сестра моего отца Эмма.

Нам, евреям, досталось от Гитлера в полной мере – он наполовину сократил численность евреев в мире. Холокост – страшнейшая трагедия XX века.

Но в России был свой холокост.

Никто пока что не подсчитал, сколько евреев сгноил в лагерях ГУЛАГА Сталин. Но сколько близких, сколько знакомых моих родителей, умных, талантливых и преданных России людей безвозвратно канули в небытие в 30-х! И только чудом вышел оправданным из лагерей старший брат моей мамы Михаил. А другой мой дядя, Бенциан, старший брат моего отца, безвинно осужденный на 10 лет, погиб на этапе в лагерь.

Нам, евреям, досталось от Сталина в полной мере. Режим, установленный им, репрессировал людей, объявленных «врагами народа». Он переселял народы, уничтожал миллионы людей и ломал судьбы десяткам миллионов. Он сломал и мою судьбу, не дав мне стать тем, кем я хотел быть, отдать стране все, на что я был способен.

Большевистские вожди ни с чем и ни с кем не считались. Ленин, Сталин и все другие большевики, их соратники, а затем и их продолжатели, строившие коммунизм в России, все

они были, как говорят, одним миром мазаны. Они прикрывались замечательной, но утопической идеей построения светлого коммунистического общества. Но на пути воплощения этой идеи в действительность погубили самобытную и прекрасную культуру России вместе с ее носителями, лучшими представителями интеллигенции, самую активную часть общества, стремившегося к лучшей жизни, сломали и растоптали все, что могли, включая общечеловеческие ценности.

Тогда, после октябрьского переворота и гражданской войны за рубежом оказалось 4.5 млн человек, из них более 2.5 млн покинули Россию в – 1918—1922 гг., это – выходцы из всех классов и сословий: родовая знать, государственные и другие служилые люди, мелкая и крупная буржуазия, духовенство и интеллигенция. Российский мир рухнул, а на его развалинах была построена уродливая конструкция «развитого социализма».

При этом, большая часть партийных вождей страны и местного значения в коммунистическую утопию не верили, но, тем не менее, её насаждали, – они просто делали карьеру.

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, то станет всем.

Это слова из коммунистического гимна – Интернационала. Большевики сделали это – разрушили один мир, но вме-

сте «с миром насилья» – они говорили об эксплуатации человека человеком – разрушили и всю жизнь России, уничтожили множество неповторимых миров – миров человеческих.

А построенный большевиками новый мир оказался тоже миром насилья, только еще более жутким, заполненным тюрьмами и лагерями, переселениями народов и расстрелами невинных людей.

Только в 1937—38 гг. было расстреляно более 700 тыс. человек. А сознание каждого жителя страны «победившего социализма» оказалось исковерканным. Одних сделали доносчиками, других – жертвами, третьих – соглашателями, четвертых – умеющими скрывать свои мысли. Последних, вероятно, было большинство.

Мой народ, еврейский народ Советского Союза, подвергался преследованиям и унижениям. Я это, увы, испытал и на себе. Антисемитизм в России был на всех уровнях – и на бытовом, и на государственном. И я страдал от обоих.

Бедная Россия. Когда коммунизма не стало, а партия большевиков была распущена – это произошло в 1991 году, – носители утопической коммунистической идеи – партийные бонзы – вмиг перестали быть убежденными коммунистами и атеистами, они мгновенно перекрасились и стали поголовно верующими, и теперь ходят в церковь и крестят лбы. Убедите меня, что бывшие партийные деятели перестали быть атеистами и антисемитами. С чего бы это?

– Изменилась ли система? – подумал я, – Пожалуй, нет,

только видоизменились правила игры. Почувствовав это кожей, в январе 1992 года я уехал из страны. Мне с ними не по пути. Я родился евреем, во многом благодаря им, ощутил себя евреем. Я тридцать три года самоотверженно работал на благо России, но моей России уже нет. И как хорошо, что теперь в мире есть Израиль, я горжусь тем, что евреи снова создали свое государство.

Кто я на самом деле? Конечно, еврей.

Как мне хорошо от сознания того, что я еврей. Я – еврей, возвращенный русской культурой, приобщившийся к ней, думающий и пишущий по-русски.

Как мне хорошо оттого, что я думаю и пишу по-русски. Я немного сожалею, что не говорю и не читаю на идиш и что не знаю иврита. Но сегодня мне достаточно русского языка, чтобы писать воспоминания. И я останусь русским евреем до конца дней своих, хоть и живу теперь в США.

Удивительный феномен: я еврей и в России был евреем, но для американцев я русский, потому что приехал из России, но, вообще-то теперь я американец. И в Израиле тоже говорят, что они не евреи, а израильтяне.

Израиль родина моих предков. Россия – моя родина. США – родина моих потомков.

У моих бабушек и дедушек родным языком был идиш. А дедушка знал ещё и древнееврейский. Меня они не научили ни тому, ни другому языку.

Я не умею говорить ни на иврите, ни на идиш. Честно го-

вора, мне жаль, что я их не знаю. Но теперь уже и не научусь. Иврит – возрожденный язык, он воскрес спустя много столетий из древнееврейского, и теперь на нём говорит население целой страны. А вот идиш – погубленный язык.

Сегодня культура миллионов людей, говоривших на идиш, усилиями Гитлера и Сталина уничтожена, по-видимому, безвозвратно. Погублена во многом и культура переселенных народов, с которыми Сталин не считался, отправляя их в Сибирь и Среднюю Азию.

Но в значительной степени была погублена и русская культура после уничтожения российской интеллигенции, которая была частично истреблена, а частично эмигрировала и не вернулась домой.

Я и моя семья были тоже носителями русской культуры, и мы эмигрировали в США. Одна семья – не потеря. Но миллионы семей, эмигрировавших, начиная с 1918 года, – потеря невозполнимая.

Часть 1. Довоенное детство

Мои родители – Самуил Абрамович Качан и Зинаида Иосифовна Гинзбург. Это их свадебная фотография. Они поженились в 1930 г.

Глава 1. Дом и родные

*И отчее племя,
И близкие души,
И лучшее время
Всё глуше и глуше...*
Николай Рубцов

Первую главу я посвящаю моей маме, женщине героической и мудрой, самоотверженной и принципиальной, с крайне обострённым чувством справедливости, родившей меня и взрастившей как в трудные и голодные военные годы, так

и в нелёгкую послевоенную пору. На этой старой, поломанной, чудом сохранившейся фотографии моя мама Зинаида Иосифовна Гинзбург (1906—1986)

Первое воспоминание – мама

Первое осмысленное, оставшееся в памяти на всю жизнь воспоминание. Я осторожно открываю дверь и вхожу в нашу комнату. В комнате почти нет мебели – стоит двуспальная кровать, шкаф, моя кроватка и письменный стол. Два больших окна, выходят на улицу Восстания, – комната полна солнцем.

В дальнем правом углу за письменным столом сидит мама и что-то пишет. Увидела меня и улыбнулась. Я бросаюсь к ней, протягивая руки. Она быстро поднимается с места и подхватывает меня. Я обхватываю ее шею и прижимаюсь к маме. Счастье переполняет меня.

Мне было тогда года три-четыре, точно не знаю, сколько. Но вот с этого момента я помню многое, почти все. Помню, что делал, что говорил, что мне или обо мне говорили.

А все самые яркие события остались в моей памяти отчетливо со всеми подробностями. Они со мной, эти картинки, эти звуки, эмоции людей, окружавших меня, последовательность событий, – всё в моей памяти. И первое материнское объятие, которое я помню, первый миг осознанного счастья, – всегда со мной.

Мой родной жестокий мир

Тогда в раннем детстве я жадно поглощал информацию об окружающем меня мире, но мир этот пока был очень узок – он состоял из моих родных, из близких мне людей, и любая информация входила в меня на крыльях любви ко мне. Меня берегли от жестокого мира, в котором они жили, кое-что скрывали, недоговаривали, объясняли не так, как это было на самом деле, и, наверное, я неправильно представлял себе мой мир, тот в котором я жил. А уж что и говорить об остальном мире – мире всех людей! Я его просто не знал.

О, в каком жестоком мире мне предстояло жить! Я знаю, что пик террора Сталина был в 30-х годах XX столетия. Но я тогда и подумать не мог, что этот период останется в истории таким кровавым. Да и не только я. Наверное, мало кто из живущих тогда в стране. Для меня это были счастливейшие годы моего раннего детства.

Я вспоминаю прошедшую и давно ушедшую в историю 2-ю мировую войну, – вот здесь уже я, ребенок ещё, хлебнул трудностей полной мерой, но остался жив. Я думаю, наконец, о страшных 40-х годах XX столетия, когда меня и моих любимых должны были истребить только потому, что мы не теми родились.

Я возвращаюсь в сегодняшний мир, и вижу, что в целом

он не стал лучше. По-прежнему, процветают антисемитизм и ксенофобия, невинных людей убивают даже не в сражениях, а в мирных городах, взрывая автобусы и автомобили, дискотеки и рестораны, чтобы доказать, как сильны группы людей, которых мы называем террористами. Они готовы убить всех евреев и стереть с лица земли воссозданное государство Израиль.

Мне и сейчас непонятно, как в наш просвещенный век могут жить миллионы людей (нелюдей!), которые почли бы за счастье убить меня, мою любимую жену, мою любимую дочь, моих нежно любимых внушек, мою правнучку. Дианочку, маленького человечка, не ведающего, что на свете есть зло. Убить только потому, что мы – евреи. Эти выродки рода человеческого отрицают Холокост, но готовы осуществить новый.

Они готовы убить всех христиан, которых называют крестоносцами, чтобы отомстить за средневековые походы по освобождению гроба господня. Они готовы разрушить до основания Америку, Англию, Францию, Израиль, которых называют исчадием зла, намеренно искажая суть отношений, чтобы возбудить ненависть простых мусульман.

Интересно, что в этот список не входит Россия. Если бы она вошла в число государств, которые хотят разрушить исламские террористы, тогда можно было бы поверить в то, что в России что-то меняется к лучшему. Пока же все говорит о том, что она заигрывает с террористами, претендуя на со-

мнительное равенство приоритетов. Недаром в Москве уже не раз принимали лидеров террористической организации ХАМАС. Эта позиция России только мешает борьбе с терроризмом. Жаль, что этого не понимают нынешние правители России.

Сегодня терроризм – это, прежде всего религиозный фанатизм, возбужденный изощренными политиканами от религии, овладевший уже миллионами людей. К сожалению, складывается впечатление, что христианские по вере и демократические по убеждениям лидеры не знают, как справиться с этой все нарастающей угрозой существованию всего человечества. Не понимают они, что, требуя соблюдения от общества прав для террористов, создают основу для их безнаказанности, укрепляют террористический фронт, главную опасность современного мира.

Мой первый дом

Мы жили в пятиэтажном доме по ул. Восстания между Басковым пер. и ул. Красной связи. По улице шел трамвай и постоянно звенел, предупреждая прохожих, которые ходили по улице, как попало, не соблюдая правил перехода. Но этого звона я как бы и не слышал. Он не мешал мне, так как я его воспринимал как нечто естественное, и не понимал, что можно жить и без звона, в тишине.

Квартира была коммунальная, там жили тогда три семьи.

Чтобы в нее попасть, надо было подняться на третий этаж. Двери парадного входа были массивными, с сильной пружиной. Но они не закрывались на замок, и внутри всегда пахло мочой. Тогда я и не знал, что бывают подъезды, запертые на ключ, а бывают и с консьержами. Таких я в тогдашнем Ленинграде не видел.

На входе в квартиру были двойные двери. Войдя, вы попадали в маленькую прихожую, которая дальше переходила в длинный узкий коридор. Дверь из прихожей слева вела к нам, в наши три комнаты, а справа – в три небольших комнаты, где жила семья из 4-х человек. Дальше по коридору слева была еще одна дверь, там было две смежные комнаты, где жила еще одна семья.

Прямо в конце коридора была ванная, направо через какое-то захламлённое вещами помещение проход вел на коммунальную кухню, где стояли керосинки и примусы. Для тех, кто не интересовался вопросом о том, когда они появились, ответу, что керосинка вошла в обиход только в середине XIX века, а примус – в конце его, а до этого пищу готовили в печи.

На кухне был выход из квартиры во двор, который назывался черным ходом, в отличие от основного, который назывался парадным, т.к. выходил на улицу. Когда-то чёрным ходом пользовалась только прислуга.

Во дворе у нас был подвал, где мы хранили дрова, заготовленные для круглых голландских печек, стоявших в каждой комнате. Папа их загодя покупал, колол, а потом мы их скла-

дывали в подвал. Зимой печки топились дровами ежедневно. Конечно, ни центрального отопления, ни горячей воды, ни газа тогда не было, воду нагревали на керосинке или примусе.

Это была привычная жизнь, мои родные лучших условий никогда не имели. Тем более что в те годы уже было электрическое освещение, а на стене висел радиорепродуктор (таким длинным и неудобным словом его тогда называли, потом стали говорить просто радио), и он всегда был включен. Электричество в домах было достижением XIX века, а радио появилось всего лет 10 назад, уже в XX веке.

Войдя из прихожей в наши три комнаты, вы попадали в среднюю комнату. Из нее одна дверь вела налево, а другая направо. Слева в самой большой 24-метровой комнате жили бабушка с дедушкой. В их комнате был спереди застекленный с трех сторон выступ, нависавший над тротуаром – его называли фонарь. В средней комнате площадью 20 квадратных метров жила моя прабабушка Двойра, она спала слева от входа на кушетке за ширмой. В этой комнате иногда кто-либо из моих тёток и дядей оставался ночевать. Дверь направо вела в нашу 18-метровую комнату. Полы в комнатах были паркетные, а потолки высокие, больше 3-х метров.

Все окна выходили на улицу Восстания. Там-то и звенел трамвай с пяти часов утра и до глубокой ночи, родной звук, который я вспоминаю как непрменный атрибут моего раннего детства.

Напротив нашей двери в коридоре была еще одна дверь. Она вела в другие три маленькие комнаты, которые занимала Колькина семья. Колька был моим ровесником. У него были мама с папой и бабушка. Естественно, я испытывал интерес к нему, а он ко мне, но поиграть вместе нам удавалось редко. Я уже не помню, почему, но, видимо, взрослые не желали, чтобы мы тесно общались. Чаще всего, к нам приходила Колькина бабушка, и они о чем-то говорили с моей бабушкой.

Обе бабушки были всё время чем-то заняты, – покупка продуктов, приготовление еды, уборка комнат, – все это отнимало много времени. На кухне у нас, как и у каждой семьи, был стол и шкафчик. На столе стояли керосинка и примус, на них готовили еду. Керосин покупали на другой стороне улицы Восстания в подвальчике – там была лавка, где продавали хозяйственные товары. За керосином ходили с большими бутылками.

Иногда на кухне одновременно горели 5—6 керосинок и примусов, и толклось 3 хозяйки, а часто бывало и больше народу, – мужчины ставили чайники с водой, кто-то мыл в больших мисках грязную посуду, сюда заходили и гости побеседовать с хозяйкой. Иногда кто-то ругался друг с другом, тем для пререканий было много. Остальные предпочитали помалкивать. Но когда начиналась кухонная война, она могла продолжаться месяцами, а то и годами. Тогда держись! Тебе могли устроить любую пакость. Например, наплевать

в готовящийся суп.

Дети на кухне почти не появлялись, но я помню, что утром я умывался не в ванной, а на кухне, где была раковина и кран с холодной водой. К этому крану, бывало, выстаивалась очередь.

Ближе к кухне была еще одна дверь, она вела в две комнаты, где жила третья семья. Мы с мамой и папой жили в комнате, у которой была общая стенка с их комнатой, и, если они говорили достаточно громко или у них играла музыка, мы все это хорошо слышали.

Улица Восстания до революции называлась Знаменской. Это название ей обратно не вернули в 90-х, когда многим улицам вернули исторические имена. Прямая, как многие улицы в Ленинграде, она начинается от Невского проспекта вблизи Московского вокзала и заканчивается у Кирочной улицы.

Я был на этой родной мне улице несколько раз после того, как покинул Ленинград в 1959 году. Обычно я проходил ее от начала до конца. И всегда у меня щемило сердце. Я помню эти места, так как прожил в этом доме шесть с половиной лет до войны и еще почти четырнадцать – после. Но после того, как покинул эту квартиру, уже никогда не поднимался к нам на третий этаж.

Мама рассказывала мне в шестидесятые годы, что в квартире никого из тех, кто жил в ней после войны, не осталось. Постепенно все получали что-то получше и съезжали. Или

умирали. Но для меня квартира №2 в доме №37 по улице Восстания в Ленинграде (Санкт-Петербурге) – навсегда мое родное место.

Мои мама и папа

Мой отец встретился с мамой, когда они оба работали на немецкой концессии «Шток и компания». Тогда, чтобы поступить учиться в высшем учебном заведении был необходим трудовой рабочий стаж – надо было два года поработать рабочим.

Отец, приехавший из Минска, был серьезным, трудолюбивым, спокойным и обходительным человеком с тихим голосом, но очень организованным и рассудительным, – и его избрали председателем профкома.

Мама была заводилой, энергична, весела, любила петь, с удовольствием плясала, – и ее избрали секретарем комитета комсомола. В 1930 г. они поженились.

В этом же году отец вступил в ВКП (б), а в следующем году в партию вступила и мама.

Аббревиатура ВКП (б) обозначала: «Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)», так тогда называлась единственная партия в СССР. Слово «большевиков» стояло в скобках, потому что до и сразу после революции была еще и партия меньшевиков, и когда-то большевики и меньшевики были в одной партии РСДРП (Российской социал-демокра-

тической рабочей партии), но потом они разделились.

Теперь партии «меньшевиков» не существовало, ее члены сидели по тюрьмам и лагерям, а слово «меньшевик» можно было произносить только шёпотом, потому что, если бы его услышали, могли донести, и тогда, скорее всего, сказавший отправился бы «в места, не столь отдаленные». Когда так говорили, то имели в виду тюрьмы и лагерь.

И мать, и отец, поработав рабочими, получили направление на учебу в ВУЗ. Это сокращение означало «Высшее учебное заведение». Мама рассказывала мне, что они были направлены как парттысячники.

Я не очень понимал, что это такое. В моем детском восприятии это выглядело так: «Партия отобрала тысячу коммунистов и послала их учиться». Мне было приятно, что мои родители попали в тысячу лучших. На самом деле, ЦК ВКП (б) ставил задачу создать интеллигенцию из рабочих, выдвинув их на учёбу в Высшие учебные заведения и даже назвал число таких выдвиженцев – 1000 человек. А папа и мама в это время были рабочими, – вот их и выдвинули.

Отец пошел учиться в Холодильный институт, а мама – в Лесотехническую Академию. Я не знаю, почему они выбрали эти ВУЗы, на эту тему мы никогда не говорили, но учились они хорошо, и после окончания отец был распределен на работу на Черниговские холодильники в Ленинграде, где он вскоре стал Главным механиком, а мать по окончании учёбы пригласили в аспирантуру Лесотехнической Ака-

демии.

В 1932 г. у моих родителей родилась дочка, Любочка, но она умерла через полтора года.

– Любочка была чудной девочкой, – говорила мне мама, – она умерла от миллиардного туберкулеза».

И добавляла:

– Если бы она была сейчас с нами, у тебя была бы старшая сестра.

Мама обнимала меня, а глаза ее были полны слез. Я смотрел на нее, чувство любви переполняло меня:

– Мама, моя мама, какая же ты красивая, красивее всех на свете. Ты такая родная, как мне хорошо с тобой!

Моя мама и на самом деле была очень красива и обаятельна. Стройная с черными волосами и огромными глазами на тонком лице, она заразительно смеялась, хорошо пела, особенно цыганские романсы, была яркой личностью, привлекавшей всеобщее внимание.

Отец, напротив, был молчалив и тих. Он никогда не был душой компании, но он приветливо улыбался, и улыбка его почему-то всегда была слегка смущенной и немного грустной.

Муля, Муленька, – звали его мамины сестры, – он им нравился. Был он худ, черты лица его были красивы, а лицо всегда отражало спокойствие, внимание к собеседнику, сочувствие ему.

Он обстоятельно отвечал на любой вопрос, а сам вопросов

не задавал. И если я его видел дома, а это было редко, он всегда был чем-то занят, — он или прорабатывал какой-то материал к семинару на краю обеденного стола в средней комнате, или готовился к выступлению, или тихо беседовал с пришедшим гостем.

Папина мама

Папина мама жила на Фонтанке. Дом, в котором она жила с младшей дочерью Сарой был вторым от Невского проспекта. Мы с папой шли по Невскому проспекту до Фонтанки, поворачивали направо и входили в подъезд дома. Бабушка жила на втором этаже.

Она очень любила своего младшего сына, я видел эту любовь в ее глазах, но жесты ее были сдержанны, а во всем ее облике была какая-то суровость, я не помню ее улыбки. Сара, папина сестра, жила вместе с бабушкой. Она была доброй и ласковой, зацеловывала меня до такой степени, что мне это было неприятно. На отца она смотрела с обожанием.

Бабушка поила нас чаем, и о чем-то тихо говорила с папой. Потом мы уходили.

Бабушка помнится мне смутно. Я с ней никогда не гулял и ни о чем не говорил. Как-то я почти через 70 лет спросил моего двоюродного брата Мишу, знает ли он девичью фамилию и имя-отчество нашей бабушки. Насчёт фамилии он неуверенно сказал:

– Может быть, Розенблюм? Нет, не помню. И имя я тоже не помню.

Больше мне спросить было уже не у кого.

Бабушка была властной еврейской мамой, вырастившей пятерых детей без мужа. Отец, как и все остальные дети, слушался ее беспрекословно, но с моей матерью у нее были сложные отношения.

Как многие еврейские мамы, она считала мою маму чересчур легкомысленной и недостойной быть женой ее сына. Поэтому, несмотря на то, что в последние годы перед войной она жила в Ленинграде, у нас дома она практически не бывала, и я видел ее только когда мы с папой к ней приходили.

Эвакуировавшись в Ташкент во время войны вместе с Сарой, она умерла там от тифа. Сара тоже заболела тифом, но выжила и, будучи безропотным добрым существом, прожила вместе с мужем (она вышла замуж в Ташкенте, её мужа звали Миша Годович; он был инвалидом войны, – почему-то у него не заживала рана на ноге) в одной комнате этой же квартиры на Фонтанке долгую жизнь, страдая последние 20 лет болезнью Паркинсона. Вторую комнату они потеряли в голы войны. Там кто-то временно поселился, когда квартира стояла пустой, да так и остался.

Мне очень стыдно, но я не помню, как зовут мою бабушку – папину маму, и у меня нет ни одной ее фотографии. А порыться в Ленинградских архивах я не удосужился.

Папин старший брат Бенциан замёрз на этапе

Видимо, я помню себя лет с 4-х, потому что, когда мы иногда заходили в квартиру папиного старшего брата Бенциана, его самого там никогда не было. Значит, 37-й год уже прошёл, и Бенциана уже арестовали. В огромной комнате на ул. Маяковского (недалеко от Невского проспекта) нас встречала жена его, Анна Абрамовна со скорбно поджатыми губами и распухшими глазами (она уже была тогда вдовой, но никто этого не знал, – все надеялись, что Бенциан жив). Там же я встречался с моим двоюродным братом, Мишей. Он был на 11 лет старше меня, и, конечно, не обращал тогда на меня никакого внимания.

– Он тоже Миша Качан, – говорил мне папа.

В комнате всегда было полутемно, т.к. окна были закрыты плотными шторами. Мне там было неуютно, и я с радостью покидал этот дом. Мне хотелось радоваться жизни, и я не понимал, почему мы ходим в такое печальное место.

Старший брат отца, Бенциан был большевиком. Он вступил в РСДРП (б) – Российскую социал-демократическую партию большевиков – еще до революции. Мама о нем всегда говорила мне с придыханием и одними и теми же словами:

– О, он был кристально чистым человеком.

В тридцатых годах Бенциан работал, по ее словам, дирек-

тором Ленинградского завода резинотехнических изделий «Красный треугольник», затем он был выдвинут заместителем наркома химической промышленности СССР и начал работать в Москве.

В этой должности он проработал около месяца, даже семью не успел перевезти. Шел 37-й год. Бенциан был арестован. За что, никто так и не узнал. Какую контрреволюционную деятельность или какое вредительство ему приписали, мы не знаем.

Дали ему 10 лет. Только в 1956 году, уже после его смертной реабилитации, мы узнали, как он умер. К Мише, жившему в то время в Москве, пришел кто-то из тех, кто был с Бенцианом на судне, перевозившем заключенных из Владивостока в Магадан.

Был шторм и мороз. По верхней палубе, где вповалку лежали заключенные, гуляли волны, и все замерзли и превратились в сосульки.

Конечно же, за это преступление, как и за многие другие, никто не ответил. Сегодня все уже привыкли к тому, что за поведение властей в те далекие годы никто не ответственен. Ссылаются на указания Сталина. Действительно, уклониться от выполнения его указаний было нельзя, но ведь в этом случае Сталин не мог дать указание специально разместить людей на верхней палубе и направить судно в шторм в морозную погоду. Просто о людях никто не думал. Тем более что это уже были не люди, а заключенные,

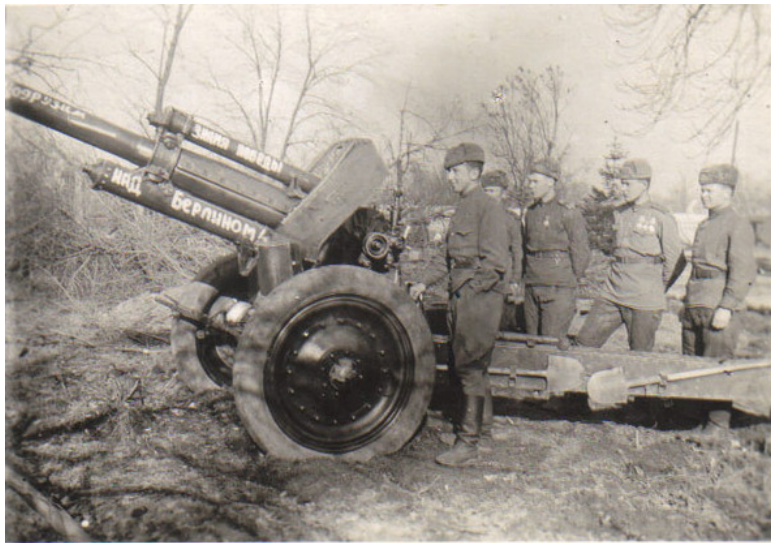
которых никто людьми не считал, да еще «враги народа». Не было ни судов над палачами. Не было и покаяния за содеянное. А раз так, — всё может повториться. И это печально.

До самой реабилитации семья Бенциана не знала, что его уже нет в живых. И его жена, Анна Абрамовна, и сын Миша, и мой папа надеялись, что он ещё жив, всё ещё ждали его возвращения, хотя прошло уже почти двадцать лет.

Мой двоюродный брат был во время войны артиллеристом

Мой двоюродный брат Миша Качан, сын «врага народа» Бенциана, родившийся 2 февраля 1923 года, сразу после выпускного вечера в школе пошел на фронт. Его мобилизовали и быстро обучили стрельбе из пушки.

На фронт брали детей осужденных, несмотря на то, что они жили с клеймом сына врага народа. Миша попал в полевую артиллерию. Вначале он воевал под Ленинградом. Пять раз был ранен. После одного ранения мой отец нашел его в ленинградском госпитале в тяжелом состоянии и выходил его. Миша неоднократно говорил, что мой отец стал его вторым отцом. Закончил войну он в Германии капитаном, командиром батареи.

Мой двоюродный брат Михаил Бенцианович Качан (стоит на переднем плане). На пушке написано: «На Берлин!»

Миша вернулся с войны, женился на невесте погибшего друга Гене и стал жить в Москве. Работал на оборонном предприятии. Всю жизнь залечивал раны, из которых доставали осколки и пули. Все его звали Михаил Борисович, а не Бенцианович.

Мне это никогда не нравилось, но я ему об этом никогда не говорил. Тогда многие дети «врагов народа» изменяли отчество и даже фамилию, и их нельзя за это осуждать. По «правилам игры» многое для них было закрыто. Тем более

евреям. Трудно было поступить в ВУЗ, работа в секретных ящиках (так называли промышленные предприятия и научно-исследовательские институты) была для них закрыта. Но дело было не только в этом.

Многие евреи меняли свои имена и отчества, которые, конечно же, отличались от русских имен. Некоторые меняли и фамилии. Я знал людей, которые, женившись, брали русскую фамилию жены. Мне это казалось странным, хотя и понимаю тех, кто изменял свою фамилию. Некоторые меняли хотя бы потому, что еврейские имена были необычны и непонятны для русских. Ну, скажите, легко ли было жить Исааку Осиповичу Дунаевскому, полное имя которого было – Исаак Беру Иосиф Бецалев Цалиевич Дунаевский. Он, слава богу, и так остался с еврейским именем Исаак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.